

● РЕЙД ПЕЧАТИ

ЕСЛИ ЗА РУЛЕМ ЧЕРСТВОВАТЬ

К вечеру изрядно похолодало. Ускорили шаг прохожие, переоплелись павильоны остановок. Поезживаются, переминаются с ноги на ногу те, кто только что закончил смену и теперь торопится заскочить в магазин, забрать ребенка из детского сада, а то и просто в домашнее тепло. Вполне прозаические, земные стремления. Но взгляните в лица людей, стоящих на остановках: с какой тревогой и надеждой смотрят они на дорогу, и вы поймете, что достичь этих целей не так-то просто.

Завидев огромную толпу, нехотя подруливает к остановке «Райбольница» рейсовая «единичка». Она уже наполнена, как говорится, под завяз. Насколько здоровяков пытаются просочиться в салон, другие же, отступая от «на исходный рубеж». Отходит ЛНАЗ, когда-то будет другой? А мимо нескончаемым потоком идет разнокалиберный и разнокалиберный ведомственный транспорт.

Останавливаем красавца «Икарус», до отказа набитый... воздухом. — Откуда и куда держим путь? — интересуемся у шофера АТП геологии Ротаря.

— Из НГДУ на базу. — А почему бы вам не вызвать пассажир-попутчика, автобус-то пустой? — ? ? ?

Демонстративно отвернулся от остановки и шофер КАВЗа под номером 26-62 Рычков. Объясняет, что автобус арендует филиал Тюменского индустриального института и в настоящий момент следует за директором.

— Честное слово, первый раз проскочил мимо остановки, — заверяет водитель «пазика» № 41-57 фирмы Сиборггазстрой Нестеров. — Так никто не голодает, — удивился нашему замечанию шофер КАВЗа № 19-75 управления малой механизации Сибжилстроя. Видя, что этот аргумент действия не возымел, Шамсимамаев добавляет: — Боясь, что посчитают за пабашника.

— Разве начальник вашего предприятия тов. Кудырев не сообщил о постановлении горисполкома, обязывающего брать пассажиров в попутном направлении?

— Первый раз слышу.

Остановка «Рынок». Интересуемся у инспектора дорожно-патрульной службы старшины В. М. Шебникова, много ль автобусов остановилось здесь за последние полчаса.

— Какой там! Более двух десятков прокатило мимо. В основном это машины УТГ-2, АТБ-10, АТБ-5. А шофер «Икаруса» № 91-82 Жученко заявил прямо: «Начальник автобазы № 10 Солонинский категорически запретил брать пассажиров».

Равнодушно миновали остановки в этот день

водители автобусов автобазы № 5 Соевподводгазстрой Жемчужников, комбината промышленных предприятий треста Сургутнефтегазстройиндустрия Турченко, автобазы № 13 Босенко и Орлов, автобазы № 10 Карбаинов и другие. Причем во всех машинах имелись свободные места.

В уныние пришли члены рейдовой бригады, неужто не встретит положительного примера? Ан нет, к остановке «ДК «Геолог» подкатил КАВЗ № 33-51 Восточно-Сургутской экспедиции.

— Еду за печкой в СМП, — говорит водитель Масалимов. — Автобус свободен, почему бы не взять людей. И на обратном пути возьму...

Приятно слышать такие слова, приятно видеть такого человека. Жаль только, что в этот день таких встреч у нас было немного.

Причины этому водители высказывали самые разные: опаздывает за вахтой, через квартал поворачивает, на исходе горючее, задумался, знает, что позади идея рейсовый автобус, и прочие, прочие, прочие. Была и такая: «На нас обижаются водители городского АТП, мы у них «забираем план».

— Конечно, нам выгодно, когда на остановке находятся люди, — говорит на это заместитель начальника предприятия по эксплуатации А. Г. Яшкуннов. — Но и от помощи вахтовых автобусов мы не отказываемся, особенно в часы «пика». Постановление исполкома горсовета выполнять надо, но выполнять грамотно, не нарушая правил перевозки пассажиров. В первую очередь, транспортные предприятия обязаны обеспечить своих водителей билетами, которые можно приобрести у нас, но, к сожалению, с такими просьбами обращаются крайне редко. И потом, почему бы на местах не разработать системы премирования, поощрения водителей, наиболее добросовестно относящихся к попутным перевозкам? Рациональнее было бы также разработать для вахтовых автобусов маршруты.

...Мороз усилился. Поток служебного транспорта на дорогах города умножился. Но не релеют толпы на автобусных остановках — упреки неумитальности, равнодушию, черствости, в конце концов.

Члены рейдовой бригады:

А. ШЕВЧЕНКО,
В. ОЛЕЙНИК,
общественные инспекторы;

Т. ВИНОГРАДСКАЯ,
старший инспектор ГАИ;

В. СЕМЕНОВ,
наш корр.

(Окончание. Начало в № 26).

Прошлое у Сургута — славное. Об этом уже говорилось в начале очерка. Но город живет своим будущим, которое творят сегодня эти парни и девчата, представляющие здесь практически весь географический диапазон нашей страны.

Всю историю становления города, как и становление Тюменской области в качестве основного нефтегазодобывающего района Родины, можно условно разбить на несколько этапов. И один из таких этапов отмечен высадкой первых студенческих отрядов на тюменской таежной и тундровой целине. Один такой десант высадился и в Сургуте.

60-е годы... 70-е годы... А за ними — новые улицы домов из свежего бруса, столовые, бани, школы, детсады, сотни, тысячи лекций, прочитанных студентами, десятки тысяч книг, пополнивших школьные и поселковые библиотеки, организация пионерских лагерей, в которых отдыхали дети буровиков, геологов, лесодобытчиков, рыбаков... Вот зримые, овеянные туманом автографы студентов. Причастные к большому делу, студенты чувствуют себя хозяевами всего, что их окружает...

Это же чувство роднит с ними ударные комсомольские отряды, которые развернули по стране не одну сотню строек. И несколько — в Сургуте. Сургутская ГРЭС, единственная в стране станция, работающая на попутном газе, действующий ныне мост через Обь, трест Запсибэлектротрестстрой, воздушный опоры линий электропередачи, — вот далеко не полный перечень «горячих точек», где нашли достойное применение энтузиазм, жажда созидательного труда, творчество молодых людей. Полные надежд, обладающие одной или несколькими специальностями, со своими пристрастиями, представлениями о жизни, работе, вполне сложившимися характерами, они в корне отличались от героев популярных в недавнем прошлом песенок... Не за «туманом» или «запахом тайги» едут они сюда, а с надеждой «сутьить корни», прочно, основательно укорениться здесь. Общались с ними, сознаешь, что общение это — с людьми, в большинстве своем трезво, твердо определившими свои жизненные позиции.

ЮРИЙ Аноприев, 27 лет, бульдозерист. Приехал из Загорска, Москва — рядом... Отслужил в армии. Вернулся домой. И тут в отпуске из Сургута приехал друг — вместе в детсад ходили. Рассказывал о Сибирь, кедрачах, новых городах, поселках. А главное — о рыбалке.

— Я рыбак завянутый. А в Сибирь одна Обь чего стоит! Поехал я с ним, вижу: работы невпроворот, каждая пара рук, как говорится, на вес золота. Отсюда и отношение соответственное... В Сургуте женился. Сын растет. И ему работы достанется. И внукам... Край-то громадный. И вот такой загляд в

будущее едва ли не у каждого.

Как следствие обиды новых впечатлений, яркой, пронизанной жизнями подробностями, деталями информации об ударных отрядах, в самый разгар работы над очерком родилась эта песня, получившая конкретный повод, толчок:

ОТЧИЗНА НОВЫХ ГОРОДОВ

Мы себя нестигали, Проверяя всех нас, Вместе с нами мужали и Магнитка, и Братск. Мы до солнца достанем, если вместе сложить наших пламенных, юных городов этажи.

НАРОД СИБИРСКОГО ЗАМЕСА

НИКОЛАЙ ШАМСУТДИНОВ
из цикла очерков «СУРГУТСКАЯ ГАЛЕРЕЯ»

Припев: Какой размах, ударные отряды!

Я присягнуть вам в верности готов. Недаром нашу Родину, ребята, зовут Отчизной юных городов!

Комсомольский наказ — это сердца приказ. Рапортуют ему Уренгой и КамАЗ.

За него — на жару, перекрестках ветров — Голосуют огни Пятипалых костров.

Припев: Ждут нас домы, ребята. Новостройки, поля. От распаханых песен

молодеет земля. Нашей Родине — силу, умение, талант.

И таланта тебе, комсомольский десант!

Припев:

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫ И писатели, гуманист В. Г. Короленко писал: «Художник обязан выбрать такой момент из жизни (героя), где характерная черта его личности сияла бы сквозь реальную оболочку».

Мысль эта не утратила значения и в наши дни. Памятуя о ней, искал я своего героя на трассах зимников, в рыболовецких бригадах... И в одну из таких поездок судьба сподобила меня встретить е. Алексеем — Баймуратовым, уроженцем Павлодара, поразившим каким-то солнечным жизнелюбием, оптимизмом, радушием... Звездная бессонница.

Разговор вполголоса. В котелке бормочет талая вода.

Ворохнется птаха, голосок вполволоса... Бдурогорядь ударит лешего дуда.

Мы сидим и курим, Вареве — как водится. В холодок уткнулись наши сапоги.

Наплывает суметь. По урманам сходятся. Резвые припевки ладят лешаки.

За спиной шорох. Наваждение..

Леший! На плечо ложится сильная рука.

Молодой начальник Баймуратов Леша. Рассеявшись, щедро пьет из котелка.

..Сухостой подкладывая в пламя, Смотрит половецкими глазами:

«Помню, дед, завьюжен седьмой, (С мезозоя мается с гуртами)

Взял меня на пастбище! «Не мой!»

Было это, помнится, весной... Век не разлучался б со степями!

Я забыл, как пахнут князи, Ноадри неуют от смолды и пота.

Гром и пыль несут грузовики. Не грузовики — не косяки..

Сны мои выкапывает топот. Я кошкой давился, как мошкой.

Под мошкой сплю, как под кошкой. Привыкнул.

Всякое бывает.

Жизнь ударит — дедовским «не мой!»

Лабуда и немощь выкипают. Выкипают, черт бы их побрал!» — Улыбнулся. Пиалу достал. Синева дремала в ее

глуби. И она, как маленький Арал, Разбудила спекшиеся губы.

Синий скат лоснится, точно круп. И проводит с ласкою по скату.

Белозуб. (А говорили, крут) Молодой начальник Баймуратов.

НЕРЕДКО во время выступлений нашей писательской бригады в красных уголках предприятий, молодежных общежитий заходили разговоры о романтике, о подвиге, о том, как трактуются они в «романтиках», и «прагмантиках», т. е. тем, кто приехал на Север с целью получить ходовую специальность, более высокий разряд, заработать приличную сумму.

«Романтики» с горячностью отстаивали право подвига на существование в наши дни. Их оппоненты с завидным спокойствием, хладнокровием это отрицали. По однажды в разгар такого спора в глубине зала выросла фигура парня в ладно сидящей на крупных плечах спецовке, с едва приметными следами ожогов на лице. История, которую он поведал нам, произошла в один из майских солнечных дней. Загорелась тайга. Их бригаду на вертолете спешно перебросили на место пожара. В течение полутора суток они в купе с другими отрядами добровольцев вели борьбу со стихией, ногами траншеи, валели лес, преграждая дорогу огню. На исходе первых суток его товарищ попал под горящее дерево, получил тяжелые ожоги. В бессознательном состоянии его доставили в больницу.

Его товарищи Шли обгорелые тощие, черные, Воздух ладонями жадными черпали, Из синевы, запрокинувшись, пили, Точно из проруби.

Зубы занули. Пили молитвенно, истово, жадно.

В расход — в расход. Мы не слышим. Он в бреду орет: «Нас бросала молодость На крошадтский лед!»

Кем ты был, братишка, я не знаю. Верю я: Ты бредил, умирая, Что одни и те ж стоят Стожары

Над крошадтским льдом и над пожаром! «В жизни всегда есть место для подвига!»

А РАБОТА над очерком меж тем подходила к концу. И захотелось подумать над тем, что дала мне эта работа, какими новыми впечатлениями обогатила меня, какими новыми знакомствами одарила? Каждый из встреченных мною людей оставлял как бы частичку себя во мне. И пестрая, неповторимая мозаика человеческих лиц, судеб, характеров, пристрастий, надежд и чаяний как-то незримо откладывалась во мне. Понадобилось немало времени, чтобы этот калейдоскоп определился в трезвых рамках жанра.

И узнавание, постижение той глобальной работы, которая завелась преобразованием Тюменского Севера, я не отделил от изучения глубинных, подсудных процессов, протекающих в душах и сознании людей. И работа, в сущности, не заканчивается...

За краны цепляясь, Над лесом Рабочее солнце встает. Недаром Сибирским замесом Богат наш таежный

народ. Полотнище утренней сини...

Я вижу на свежих лесах. С отцом Повзрослевшего сына, С привычною кельмой в руках.

У парня отцовская хватка. Кумач на ветру парусит. Растет крутолобая

кладка. Бетономешалка гремит. Бригада — в рабочей запарке.

Мерцание пристальных глаз. Народом Сибирской загалки Зовут нас Ухта и КамАЗ.

И гул, и болотная сырость, И контуры труб вдалеке, И люди Надежно сплотившись Сибирским замесом

в строке.

Голпамп или с вертолетных площадок, В копоги, хвое, бледны от угара —

Так Возвращались с лесного пожара... В белой больнице за тополями

Парень, спеленутый туго бинтами, Черными пальцами перебирает

Жесткие простыни — Он умирает. Раньше, чем поднимется

восход, И ванищут матери о сыне, Ампулка невайденой вакцины

Пустит парня этого

в расход — в расход. Мы не слышим. Он в бреду орет: «Нас бросала молодость На крошадтский лед!»

Кем ты был, братишка, я не знаю. Верю я: Ты бредил, умирая, Что одни и те ж стоят Стожары

Над крошадтским льдом и над пожаром! «В жизни всегда есть место для подвига!»

А РАБОТА над очерком меж тем подходила к концу. И захотелось подумать над тем, что дала мне эта работа, какими новыми впечатлениями обогатила меня, какими новыми знакомствами одарила? Каждый из встреченных мною людей оставлял как бы частичку себя во мне. И пестрая, неповторимая мозаика человеческих лиц, судеб, характеров, пристрастий, надежд и чаяний как-то незримо откладывалась во мне. Понадобилось немало времени, чтобы этот калейдоскоп определился в трезвых рамках жанра.

И узнавание, постижение той глобальной работы, которая завелась преобразованием Тюменского Севера, я не отделил от изучения глубинных, подсудных процессов, протекающих в душах и сознании людей. И работа, в сущности, не заканчивается...

За краны цепляясь, Над лесом Рабочее солнце встает. Недаром Сибирским замесом Богат наш таежный

народ. Полотнище утренней сини...

Я вижу на свежих лесах. С отцом Повзрослевшего сына, С привычною кельмой в руках.

У парня отцовская хватка. Кумач на ветру парусит. Растет крутолобая

кладка. Бетономешалка гремит. Бригада — в рабочей запарке.

Мерцание пристальных глаз. Народом Сибирской загалки Зовут нас Ухта и КамАЗ.

И гул, и болотная сырость, И контуры труб вдалеке, И люди Надежно сплотившись Сибирским замесом

в строке.